

II. ВНУТРИТЕКСТОВЫЙ АНАЛИЗ ДИСКУРСОВ

УДК 811.112

Г. А. БАЕВА

Санкт-Петербургский государственный университет

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ УСТНОЙ РЕЦЕПЦИИ В СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ключевые слова: коммуникация, устная рецепция, автор, экскламатив, интеррогатив, междометие, комментарий, обращение, императив, эпос, рыцарский роман, шванк.

Важной коммуникативно-прагматической особенностью художественных произведений, создаваемых в эпоху преимущественно устной рецепции, были обращения автора-повествователя к публике, своеобразный эксплицитный диалог рассказчика со слушателем, отражающий особенности устной речи того периода. Основными дискурсивными маркерами как средствами актуализации устной рецепции выступали обращения, императивы, дейктические слова (местоимения, частицы), экскламативные и интеррогативные конструкции с междометиями и вопросительными словами. Материалом анализа являются различные по жанру произведения средневековой немецкоязычной литературы: эпос, рыцарский роман, шванк.

G. A. BAEVA

St. Petersburg State University

DISCOURSE MARKERS OF ORAL RECEPTION IN THE MIDDLE HIGH GERMAN LITERATURE

Keywords: communication, oral reception, author, exclamative, interrogative, interjection, commentary, address, imperative, epic, Schwank, romance.

An important communicative-pragmatic feature of the art works created in the era of predominantly oral reception used to be as follows — the address of the author-narrator to the audience, the narrator's peculiar explicit dialogue with the narratee reflecting the features of the spoken language of that period. The main discourse markers, as means of actualization of oral reception, were addresses, imperatives, deictic words (pronouns, particles), exclamative and interrogative constructions with interjections and interrogative words. The material for analysis is various in genres works of medieval German-language literature: epic, romance, Schwank.

Одна из первых фундаментальных работ, посвященных исследованию соотношения письменного и устного немецкого языка в диахронии, работа И. Вейтхазе, была опубликована в 1961 году [24]. Появление исторической прагматики оживило дискуссии о наличии следов (*Spuren*) или отражений (*Reflexe*) устной речи в литературе отдаленных от нас эпох [8; 17; 20–22]. Речь идет как о выявлении особенностей речи персонажей, специфике построения фиктивного диалога [14], характере речевых сцен [23], так и об описании своеобразия речевого этикета, формульности реплик, связанных с ситуациями приветствия, прощания, выражения благодарности [3; 9; 10] и пр.¹

Как отмечает Ш. Зондерэггер, для исторической прагмалингвистики «решающей является возможность декодировать устную речь, хотя и не полностью утраченную в процессе записывания, но крайне преобразованную как структурно, так и стилистически» [20, S. 132]. При этом, безусловно, неоспоримым остается тот факт, что историко-прагматические гипотезы едва ли когда-нибудь получают эмпирическое подтверждение [8, S. 18]. Несмотря на определенный скепсис среди лингвистов существует и гипотеза о том, что «художественные тексты Средневековья являются более приближенными к реальности, в отличие от современной литературы» [13, S. 7], они имитируют действительность и создают вторичную реальность. При этом Х. Зитта отмечал, что «стоит задаться вопросом, какие из результатов коммуникативной деятельности наших предков обусловили то, что составило наше настоящее» [18, S. 7]. П. Эрнст и М. Вернер, разделяя эту точку зрения, образно называют сохранившиеся письменные источники более ранних эпох развития языка его «консервантами»: «Одной из примечательных особенностей текстов является их завершенность (в отличие от мимолетности сказанного слова) и, таким образом, их консервация на длительные промежутки времени» [12, S. 10–11].

С позиций выявления отражения элементов устной речи вне поля исследователей до сих пор остаются комментарии рассказчика-повествователя (и/или автора произведения), которые служат для организации внутритекстового пространства и с помощью которых рассказчик определенным образом включает в текст свои

¹ В рамках статьи указываем лишь отдельные работы по названной выше тематике.

собственные речевые действия [7, S. 14–15]. Коммуникативно-прагматические функции такого комментария состоят прежде всего в оптимизации и управлении процессом устной рецепции, в обеспечении обозримости и связанности художественного повествовательного пространства для лучшей ориентации слушателя в тексте повествования, ибо средневековые произведения первоначально предназначались для декларации и чтения вслух и лишь значительно позже обрели так называемых «тихих» читателей.

В то время как сказитель древних эпических произведений часто находился в тени рассказываемой им истории и позволял себе лишь редкие отступления от этого правила, немецкие поэты средневековья, выступая в новых эпическом жанрах, активно участвуют в повествовании.

Задача статьи состоит в том, чтобы показать, когда, почему, с какой прагматической целью и какими языковыми средствами автор или рассказчик маркирует свое участие в повествовании и что в его речевой практике может восприниматься как отражение устной речи.

Установление контакта между рассказчиком и слушателем, т. е. разговор повествователя с публикой может начинаться в традициях народной поэзии (ср. известное всем начало «Песни о нибелунгах»: *Uns ist in alten mæren wunders vil geseit...*). Совершенно оправданным поэтому для устной презентации произведения представляется тот факт, что средневековый поэт или рассказчик довольно часто стремится в первых строках своего произведения сообщить его название, используя модель «эта книга / поэма называется...»:

(1) *Ditz buch heizet vuchs Reinhart / Got gebezzer vnser vart* (Reinhart, 1).

Переход к финальной стадии повествования обычно также маркируется коротким и ясным указанием на то, что книга или рассказ подошли к концу, типа *nû hat daz buoch ein ende*, похожим на сказочное «вот и сказке конец», и снова в конце может появиться название произведения. Например:

(2) *Hie hât ditz getihte ein ende* (Erec 10134).

(3) *Hie hât Kûdrûn ein ende* (Kudrun 1705,5);

(4) *Hie mite hat ein ende / diu krône* (Krone 29966);

(5) *die boec heiten Eneide* (Eneide 13510);

(6) *Nu hânt ir alle wol vernommen / daz ich schiere zende wære komen / des mæres von Lanzelete* (Lancelot 9309).

Особенностью финального, завершающего комментария является презентация имени автора, упоминания которого могло и не быть в начале произведения. Вольфрам фон Эшенбах в конце своего «Парсифаля» называет свое имя *ich Wolfram von Eschenbach*, а затем в начале другого романа, «Виллехальм», указывает на то, что рассказал эту историю тот, кто был автором «Парсифаля»:

(7) *ich Wolfram von Eschenbach / swaz ich von Parzival sprach* (Willehalm 4, 19).

Другие поэты также использовали схожую «рекламу» своего имени: *ich von Türheim Uolrich*, *ich von durne Reinbot*. Ср. также:

(8) *von Hôbergin her Eilhart / hât unz diz buchelin getihtet* (Tristrant 9446).

Как специфические маркеры разговора повествователя с публикой можно считать его реплики, построенные по образцу обычных предложений, характерных для устной речи: «я расскажу вам, как это произошло...», «вам расскажут...», «вы часто слышали и вам рассказывали...»:

(9) *Ich sage iu wie daz geschah* (Helmbrecht 1823);

(10) *Wie er nu vert daz wirt gesaget* (Helmbrecht 1048);

(11) *ir habet dicke vernomen und ist iu mit rede fur komen* (Amis 1).

Наиболее часто в качестве маркеров устной рецепции выступают императивные конструкции, экскламативы и интеррогативы.

1. Императивные конструкции

В исследуемых произведениях, в эпосе, рыцарском романе, шванках, рассказчик напрямую указывает на устный характер их представления, выбирая для обращения к читателям глаголы слухового, а не визуального восприятия (*horen*, *vernemen*). Эти глаголы используются для своеобразного приглашения к публике выслушать его историю и состоят из коротких императивных реплик типа *nû vernemet* или *nû hæret* «Ну, а теперь послушайте!»

с обращением (*ir lieben liute* «Вы, люди дорогие!»), указанием на то, что произойдет (*geschehen*) и какую историю предстоит услышать (*vremdiu mere, maere mit den spruchen*):

(12) *Nu vernemit ir lieben liute* (Jüngerer Titurel 1);

(13) *Vernemet vremdiu mere* (Reinhart 1);

(14) *nû hæret waz hie vor geschach* (Daniel 59);

(15) *Nû hæret waz hie vor geschach* (Amis 21);

(16) *nu hoeret daz maere mit den spruchen* (Helmbrecht 1651);

(17) *nu hoeret waz im do geschah* (Reinhart 1).

Кроме этого императивные конструкции в тексте произведения широко используются для привлечения внимания к деталям описываемых событий:

(18) *nu hoeret wiez umbe den huben stat* (Heinrich 20);

(19) *nu hoeret waz im do geschah* (Amis 1);

(20) *in Vernemet welcher ahte er daz schif machte* (Reinhart 635).

В исследуемых произведениях мы имеем дело с доверительными отношениями между рассказчиком и реципиентом. О доверительных и уважительных отношениях, которые рассказчик выстраивает с публикой, свидетельствует обращение к ней: *ir*, которое в средневерхненемецком использовалось не только в значении ‘вы’, но и конкурировало с местоимением *du*. Подобное употребление местоимения 2-го лица множественного числа вместо единственного встречается уже в латинском языке (*vos, vester*) и именуется “*pluralis reverentiae*” — множественным почтением, что подтверждает связь средневерхненемецкого с «западноевропейской письменной и культурной традициями» [10, S. 93].

Синтаксис повелительных конструкций максимально приближен к устному высказыванию: после глагола в императиве обычно следует придаточное, реализующее объектную валентность глагола. Практически во всех примерах в словах рассказчика используется дискурсивное слово *nun (ni)*, которое выполняет здесь роль оператора, актуализирующего одновременно и локальное и временное значение (‘здесь и сейчас’) и имитирующее устную речь с неспешным переходом от одного эпизода к другому.

2. Экскламати́вы

Экскламати́вы в речи рассказчика — это одновременно реакция и эмоциональная оценка той или иной описываемой ситуации [16, S.81]. Известно, что эмоции и эмоциональные оценки представляют собой многомерный комплекс осознанных и неосознанных знаний, репрезентаций и процессов [16, S.48] и свидетельствуют о способности человека как языковой личности «управлять вербальным выражением эмоций и пропускать их через ситуативные, социальные и другие фильтры в процессе коммуникации, и в зависимости от них, “упаковывать” одни и те же эмоции в различные языковые формы или вообще не “пропускать” их в язык» [5, с. 309 и след.].

Экскламации — это один из способов выражения эмоций, вызванных душевными и физическими переживаниями и состояниями людей, различными по силе проявления, ибо «если мы говорим для того, чтобы, сообщая свои мысли, в то же время выразить и чувства, овладевающие нами по поводу этих мыслей, наша речь будет восклицательной» [4, с. 356].

Авторские экскламации в средневековой литературе наделены особой ролью. Их появление в тексте достаточно неожиданно и носит характер своеобразного комментария с определенной эмоциональной нагрузкой: рассказчик прерывает свое повествование, чтобы передать свое эмоциональное состояние и вызвать ответную реакцию со стороны слушателей и заострить их внимание на описываемых событиях.

Маркерами эксклакативных конструкций выступают междометия, открывающие строфу. Набор междометий относительно невелик: *a*, *awî*, *owê* в различной орфографии. Значение междометий и их специализацию на выражении конкретных эмоций вряд ли можно установить точно, они определяются ситуацией и контекстом [1, с. 105; 6, с.10]:

- (21) *Awî, wî manic volk wîc er vaht / wider den kunic Xersen!* (Alexander 86) — *Hei, wie viele Völkerschlachten er schlug gegen König Xerxes!*
- (22) *Owî, owî, wie smâhe ime was, /daz man ime troute ze slahen!* (Alexander 1072) — *Oh weh, wie sehr er das verabscheute, dass man ihn zu schlagen drohte!*
- (23) *Ôwî, wî diche er laster gesiht!* (Heinrich 1408 144) — *Oh weh, wie oft muss er sich in Schande sehen!*

(24) *Â, wie starche daz weter ane goz!* (Alexander 110 60) — *Ach, wie heftig Unwetter und Regen heranprasselten!*

(25) *ouwê vrouwen Êniten! Waz solde doch si nû rîten, diu schœne guote wol geborn?* (Eneide 7265) — *Ach, Herrin Enite! Worauf sollte sie jetzt reiten, die Schöne, Gute; Edle?*

В зависимости от описываемой ситуации и связанной с ней эмоции рассказчика экскламати́вы могут передавать восторг, сожаление, удивление, отчаяние, радость, гордость. Главное назначение междометия в этом контексте — обозначить ситуацию как эмоциональную и тем самым привлечь внимание слушателей.

Среди конструкций с междометиями можно выделить несколько моделей. Наиболее частотны сочетания междометия с вопросительными местоимениями *wie* (эти конструкции доминируют) или *waz*.

(26) *Â, wie wole dem jungelinge daz stêt!* (Erec 46 62) — *Ach, wie gut das dem Jungen steht!*

(27) *Â, wie wol den hêren daz gezam!* (Heinrich 160 62) — *Ah, wie gut das dem Herrn anstand!*

(28) *Â, wie ubele ich daz gelouben mach, / wandrim sîn hals enzwei brach!* (Alexander 235 68) — *Ah, wie schlecht ich das glauben kann, weil er ihm doch den Hals brach!*

(29) *Â, wie sêre ers dâ ze stede engalt!* (Parzival 532 86) — *Ah, wie schmerzlich er dort auf der Stelle dafür büßen musste!*

(30) *Â, wie siech er sînen vater vant!* (Iwein 548 88) — *Ach, wie hinfällig er seinen Vater fand!*

(31) *Â, waz ime dâ helede tôt peleib!* (Alexander 702 98) — *Ach, wie viele Helden ihm dort tot blieben!*

(32) *Â, waz dâ werlte tôt belach!* (Alexander 892 110) — *Ach, wie viele Männer dort fielen!*

Во всех приведенных примерах вопросительные местоимения *wie* и *waz* вводят предложения, которые по форме можно определить как псевдопридаточные. Особенностью экскламати́вов с псевдопридаточными является их незавершенность из-за отсутствия главного предложения, функцию которого, по сути, выполняет

междометие. Благодаря этому, с одной стороны, создается впечатление недосказанности, характерное для устной речи и вызванное высоким эмоциональным напряжением, а, с другой стороны, недосказанность открывает простор для фантазии слушателей, создавая эмоциональное сопереживание и сотворчество повествователя и его публики.

В указанных выше восклицательных контекстах после местоимения *wie* довольно часто употребляются прилагательные и наречия с градуальной положительной типа *wol (wole)* [Ibid., S. 326], *gut* или отрицательной семантикой *ubele „wund, verwundet, verletzt; schmerzen bringend od. leidend; betrübt“* [Ibid., S. 235], *siech „krank, siech“* [15, S. 193].

Большинство из приведенных выше текстовых извлечений взяты из средневекового эпического романа «Песнь об Александре»; они характеризуются ярко выраженной эмоциональностью и сопровождались, что вполне допустимо предположить, восклицательной интонацией. Они связаны с прагматической установкой автора — прославить победы великого полководца — и появляются чаще всего при описании подготовки или проведения военных походов и сражений. Рассказчик выражает свое удивление, гордость, похвалу, восхищение поступками героев. Редко это касается каких-либо внешних факторов, таких как погода (24).

3. Интеррогативы

Авторские интеррогативы, как и экскламации, появляются в тексте достаточно неожиданно, они разнообразны по форме и по коммуникативно-прагматической направленности могут: 1) касаться непосредственно слушателей или 2) относиться к сюжету в целом или отдельным сценам повествования.

В первом случае рассказчик прерывает свое повествование, чтобы напрямую спросить слушателей, не хотят ли они послушать, что произошло, или услышать некоторые подробности. Например, в начале «Хельбрехта» появляется вопрос:

(33) *Welt ir nu hoeren waz da stat?* (Helmbrecht 20),

который затем повторяется так часто (ср. строки: 40, 44, 56, 72, 182 и т. д.), что из средства поддержания контакта и напряжения атмосферы перед увлекательным рассказом становится навязчивым.

Рассказчик может прервать свое повествование, чтобы выяснить, нужны ли слушателям подробности. Так, в примере ниже, рассказав о возвращении графа из крепости, рассказчик спрашивает: «Нужно ли растягивать рассказ? Будет ли это полезно?» (*waz hilfet daz*):

(34) *Zehant do man es began, der grave von der burc quan. wz hilfet daz ichz lenge?* (Amis 899-901).

Иногда рассказчик, имитируя диалог со слушателем, задает вопрос себе самому, якобы со стороны публики, типа «вы спрашиваете, что ...?» (маркеры: вопросительное предложение с глаголом *fragen* и местоимения *ihr, ieman*):

(35) *vrâget ir wz daz sî?* (Rother 7643) — *Fragt Ihr, was das war?*

(36) *vrâget ir wz dar inne sî?* (Erec 7145) — *Fragt Ihr, was darin war?*

(37) *vrâget iemen mære / ob ez schœner wære/ dan daz si unz her geriten hât?* (Eneide 7286) — *Will jemand wissen, ob es schöner war als das, das sie bisher geritten hat?*

Схожую функцию имитации диалога выполняют и вопросы с модальным глаголом *wollen*: *waz wollt ihr*:

(38) *nû wz welt ir daz der küneec tuo?* (Erec 6902) — *Was, meint Ihr, soll der König tun?*

(39) *nû wz welt ir daz er tuo mê?* (Heinrich 9263) — *Was meint Ihr, soll er jetzt tun?* (Ср. также похожий пример: (Iwein 3309)).

Особую группу составляют вопросы от имени слушателей (с глаголом *sagen* в императиве 1-го лица типа «скажи-ка нам»), в отдельных случаях здесь в обращении к автору упоминается его имя:

(40) *nû sage, von wiu? Daz weiz ich wol / und sagez sô ich ez sagen sol* (Iwein 7826) *Sag schon, weshalb? — Das weiß ich gut und erzähle es, wenn es soweit ist.*

(41) *geselle Hartman, nû sage, / wie erwerte inz der lîp?* (Erec 9169) — *Freund Hartmann, jetzt erkläre, wie haben sie das ausgehalten?*

Кроме этого через вопрос рассказчик может удостовериться в важности и эксклюзивности переданной им информации (здесь снова используется глагол *horen* как маркер устной рецепции:

«И где вы еще такое услышите?»), уточнить желание слушающих в продолжении повествования (43) или мнимо усомниться в своих возможностях продолжать рассказ (44):

(42) *Wo hôrt ir ie solich wunder gesagen?* (Rother 6461) — *Wo hörtet ihr je von solchen Wundertaten erzählen?*

(43) *hæret ir iht gerne sagen/ wâ mite der boumgarte / beslozen wære so harte?* (Titurel 8745) — *Möchtet Ihr gern hören, womit der Baumgarten so fest umschlossen war;*

(44) *waz sol iu mê dâ von gezalt?* (Erec 7461) — *Was soll ich Euch mehr davon erzählen?*

В приведенных выше примерах вопрос напрямую адресован публике, маркерами устной речи выступают местоимения *iu*, *ir*, *iemen*, дискурсивные слова *nun*, *da* с локально-темпоральной семантикой. С помощью вопроса создается иллюзия участия слушателей в происходящем «здесь и сейчас» и в дальнейшем продвижении сюжета.

Во втором случае интеррогативы рассказчика, хотя и обращены к слушателям, касаются намерений действующих лиц и предвосхищают последующие события (маркер-глагол *geschehen*):

(45) *Egeries dâ vor was / wem gescach ie baz?* (Erec 5916) *Gergers stand an der Spitze. Wem gelang es je besser?*

(46) *wâ gescach iemen ze dirre werlt ie baz?* (Iwein 5962) *Wem erging es auf Erden je besser?*

Кроме этого рассказчик с помощью интеррогативов может передавать свое эмоциональное состояние в связи с тем или иным событием и тем самым заострить на нем внимание. Такие вопросы могут содержать некоторую иронию и приближаются по своему эмоциональному воздействию к экскламативам:

(47) *wâ möhte græzer vreude sîn / dan man dâ hâte ze aller zît?* (Eneide 1801) — *Wo könnte es größere Freude geben, als man dort allzeit hatte?*

(48) *wie möhtes baz zît sîn?* (Alexander 2869) — *Hätte der Zeitpunkt besser sein können?*

(49) *waz möhte sich gelîchen / sô nâhen gênder riuwe / die sich durch ir triuwe durch ir mannes liebe leit?* (Iwein 3141) — *Was ließe sich dem*

tiefen Schmerz verglichen, den sie aus Treue und Liebe zu ihrem Mann erduldeten?

(50) *wer möhte si gar beschriben?* (Tristrant 8288) — *Wer könnte sie richtig beschreiben?*

(51) *wie möhte daz wunder wunder græzer sin?* (Erec 8431) — *Gäbe es ein größeres Wunder?*

Особенностью этих интеррогативов, наряду с уже указанными, является частотное использование модального глагола *tugan* (*mag*) в форме претерита конъюнктива с оптативным значением, что также можно отнести к отражению устной речи.

Широкое использование так называемых уведомляющих (уточняющих) вопросов (*ankündigende Fragen*) в средневековой литературе связано с приемом «*fingierten Publikumsfrage*», который, как отмечают исследователи, появляется у Фельдеке (основателя миннезанга) и был характерен для французской литературы этого периода [17, S. 19], а также для проповедей [11, S. 211].

Несмотря на то что использование рассказчиком интеррогативов является риторическим приемом, ориентированным на устное восприятие произведения, и не предполагает ответной реакции, в некоторых случаях рассказчик продолжает игру в диалог со слушателем и включает ответные реплики в виде короткого положительного «да» (*ja*) или достаточно обстоятельного ответа:

(52) *ob der trunzûn swaere / ûf in den luft ihr waere? / jâ: dô er sich nider liez, / durch den helm er einen ritter stiez.* (Parzifal 429, 23)

(53) *wer sol nû sin arzât sin, / der heile sine wunden? / dar zuo hete er dâ wunden / vrouwen vil riche* (Heinrich 7207) — *Wer würde nun sein Arzt sein, der seine Wunden heilte? Dafür fand er dort die edelsten Frauen.*

Литература

1. Баева, Г.А. О валентности междометий в немецком языке // Системное описание лексики германских языков: межвуз. сб. Вып. 5. Л.: ЛГУ, 1985. С. 104–108.

2. Баева, Г.А. Проблемы исторической реконструкции коммуникативно-прагматических категорий в диахронии: Так о чем же говорили Хильтибрант и Хадубрант? // Очерки по исторической прагматике германских языков. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2012. С. 20–28.

3. *Бирр-Цуркан, Л. Ф.* Единицы речевого этикета и их функционирование в средневерхненемецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / СПбГУ. СПб., 2007. 21 с.

4. *Пешиковский, А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 510 с.

5. *Шаховский, В. И.* Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

6. *Baeva, G. A.* Die Interjektionen in der Geschichte der deutschen Sprache // Entwicklungsetappen in der Geschichte der deutschen Sprache: Berliner sprachwissenschaftliche Studien. Bd. 2 / Hrsg. F. Simmler. Berlin, 2000. S. 9–20.

7. *Baeva, G.* Sprachliche Mittel zum Ausdruck der Autorenpräsenz im mittelalterlichen Tristan-Roman // Etudes Medievales. Bd. 15. Amiens, 2013. S. 14–21.

8. *Bax, M.* Die lebendige Dimension toter Sprachen. Zur pragmatischen Analyse von Sprachgebrauch in historischen Kontexten // Zeitschrift für germanistische Linguistik. Berlin, New York: de Gruyter, 1983. S. 1–21.

9. *Besch, W.* Duzen, Siezen, Titulieren: zur Anrede im Deutschen heute und gestern. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1998. 160 S.

10. *Besch, W.* Anredeformen des Deutschen im geschichtlichen Wandel // Sprachgeschichte: ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / Hrsg. von W. Besch, A. Betten, O. Reichmann, St. Sonderegger. Berlin, New York: de Gruyter, 2013. S. 2599–2629.

11. *Ehrismann, G.* Geschichte der deutschen Literatur bis zum Ausgang des Mittelalters. Bd. II. München: Beck, 1922. 356 S.

12. *Ernst, P. Werner, M.* Linguistische Pragmatik in historischen Bezügen. Berlin, New York: de Gruyter, 2016. S. 9–19.

13. *Jacobs, A.* The historical perspective in pragmatics // Historical Pragmatics. Pragmatic Developments in the History of English / ed. A. H. Jucker. Amsterdam: Benjamins, 1996. P. 1–33.

14. *Kilian, J.* Historische Dialogforschung. Eine Einführung. Tübingen: Niemeyer, 2005. 180 S.

15. *Lexner Matthias* Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch. Stuttgart: S. Hirzel Verlag, 1992. 506 S.

16. *Schwarz-Friesel, M.* Sprache und Emotion. Tübingen; Basel: A. Francke Verlag, 2007. 401 S.

17. *Singer, S.* Wolframs Stil und der Stoff des Parzivals. Wien: Kais. Akademie der Wissenschaften, 1916. 127 S.

18. *Sitta, H.* Vorwort // Ansätze zu einer pragmatischen Sprachgeschichte. Tübingen: Niemeyer, 1980. S. 7–8.

19. *Sonderegger, S.* Gesprochene Sprache im Nibelungenlied // Monfort. Bd. 32. 1980. S. 360–379.

20. *Sonderegger, S.* Aufgaben einer pragmatikorientierten Sprachgeschichte. Thesen / Ansätze zu einer pragmatischen Sprachgeschichte. Tübingen: Niemeyer, 1980. S. 132–134.

21. *Sonderegger, S.* Reflexe der gesprochenen Sprache im Althochdeutschen // Sprachgeschichte. Ein Handbuch. Teil 2. 2000. S. 1231–1240.

22. *Sonderegger, S.* „Gesprochen oder nur geschrieben?“ Mündlichkeit in mittelalterlichen Texten als direkter Zugang zum Menschen // *Germanica selecta*. 2002. S. 491–503.

23. Redeszenen in der mittelalterlichen Großepik. Komparatistische Perspektiven / Hrsg. M. Unzeitig, N. Miedema, Fr. Hundnurscher. Berlin: de Gruyter, 2011. 317 S.

24. *Weithase, I.* Zur Geschichte der gesprochenen deutschen Sprache. 2 Bd. Tübingen: Niemeyer, 1961. 575 S.

Источники иллюстративного материала и принятые сокращения

Alexander	—	Pfaffe Lambrecht Alexanderroman Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch / Hrsg., übersetzt u. kommentiert von E. Lienert. Reclam Nr. 18508. Stuttgart: Reclam, 2007. 671 S.
Amis	—	Der Stricker: Der Pfaffe Amis. Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch / Hrsg. M. Schilling. Stuttgart: Reclam, 2007. 206 S.
Daniel	—	Der Stricker: Daniel von dem Blühenden Tal. 2., Neubearb. Aufl. / Hrsg. M. Resler. Tübingen: Niemeyer, 1995. 364 S.
Eneide	—	Heinrich von Veldeke: Eneide. Mit Einleitung und Anmerkungen / Hrsg. O. Behaghel [1882]; Nachdruck: Hildesheim: G. Olms, 1970. 816 S.
Erec	—	Hartmann von Aue: Erec. Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch, Hrsg. von V. Mertens, Stuttgart: Reclam, 2008. 722 S.
Jüngerer Titarel	—	Albrechts Jüngerer Titarel. Bd III/1 (Strophe 4395–5417) / nach den Grundsätzen von W. Wolf kritisch hrsg. von K. Nyholm, Berlin, 1984.
Heinrich	—	Hartmann von Aue: Der arme Heinrich. Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch / Hrsg. von U. Rautenberg, Stuttgart: Reclam, 2008. 722 S.
Helmbrecht	—	Wernher der Gärtner: Helmbrecht. Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch / Hrsg., übersetzt u. erläutert von F. Tschirch, Stuttgart: Reclam, 2007.
Herzmære	—	Konrad von Würzburg: Herzmære // Novellistik des Mittelalters. Märendichtung / Hrsg., übers. und kommentiert K. Grubmüller, Frankfurt / M., 1996.
Gerhard	—	Rudolf von Ems: Der guote Gêrhart / Hrsg. J. Asher. 3. Aufl. Tübingen: Niemeyer, 1989.
Gregorius	—	Gregorius der gute Sünder. Mittelhochdeutsch/Neuhochdeutsch. Mhd. Text nach F. Neumann, übertr. B. Kippenberg; Nachwort H. Kuhn, Stuttgart: Reclam, 2005.

- Iwein — Hartmann von Aue: Iwein. Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch / Hrsg. und übers. von R. Krohn, komm. von M. Schnyder. Stuttgart: Reclam, 2001.
- Krone — Heinrich von dem Türlin: Die Krone (Verse 1–12281), nach der Handschrift 2779 der Österreichischen Nationalbibliothek. Nach Vorarbeiten von A. Ebenbauer, K. Zatloukal und H. P. Pütz / Hrsg. F. P. Knapp, M. Niesner, Tübingen: Niemeyer, 2000; Heinrich von dem Türlin: Die Krone (Verse 12282–30042), nach der Handschrift Cod. Pal. germ. 374 der Universitätsbibliothek Heidelberg; nach Vorarbeiten F. P. Knapp, K. Zatloukal / Hrsg. von A. Ebenbauer und F. Kragl, Tübingen: Niemeyer, 2005.
- Kudrun — Kudrun. Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch / Hrsg. und übers. von U. Störmer-Caysa. Stuttgart: Reclam, 2010.
- Lancelot — Prosa-Lancelot I. u. II. / Hrsg. von H.-H. Steinhoff. Frankfurt/M.: Deutscher Klassiker Verlag, 1995. 675 S.
- Parzival — Wolfram von Eschenbach: Parzival. Mittelhochdeutscher Text nach der Ausgabe von K. Lachmann, Übersetzung und Nachwort von W. Spiewok. 2 Bände, Stuttgart 1986 (= Reclams Universalbibliothek; Bde 3681 und 3682).
- Reinhart — Heinrich der Glîchezære: Reinhart Fuchs. Mittelhochdeutsch — Neuhochdeutsch / Neuhochdeutsch Prosaübersetzung, Nachwort und Anmerkungen von W. Spiewok. Leipzig, 1977 (= Reclams Universalbibliothek).
- Rother — König Rother. Mittelhochdeutsch / Neuhochdeutsch / Hrsg. von I. Bennewitz u.a. Stuttgart: Reclam, 2007. 485 S.
- Titirel — Wolfram von Eschenbach. Sechste Ausgabe von K. Lachmann, Berlin; Leipzig, 1926.
- Tristrant — Eilhart von Oberg: Tristrant und Isalde/ Hrsg. von D. Buschinger und W. Spiewok, Greifswald, 1993.
- Willehalm — Rudolf von Ems: Willehalm von Orlens /hrsg. aus dem Wasserburger Codex der Fürstlich Fürstenbergischen Hofbibliothek in Donaueschingen von V. Junk, Berlin, 1905 (DTM 2); Nachdruck: Dublin; Zürich, 1967.

References

1. Baeva, G. A. O valentnosti mezhdometii v nemetskom iazyke [On interjection valency in the German language]. *Sistemnoe opisanie leksiki germanskikh iazykov: Mezhdvuzovskii. sb.* Vyp. 5. Leningrad, Leningrad State University, 1985, pp. 104–108. (In Russian)

2. Baeva, G. A. Problemy istoricheskoi rekonstruktsii kommunikativno-pragmatischen kategorii v diakhonii: Tak o chem zhe govorili Khil'tibrant i Khadu-

brant? [The questions of historic reenactment of communicative-pragmatic categories in diachrony: So, what did Hildebrand and Hadubrand talk about?]. *Očerki po istoricheskoi pragmatike germanskikh iazykov*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2012, pp. 20–28. (In Russian)

3. Birr-Tsurkan, L. F. *Edinitsy rechevogo etiketa i ikh funkcionirovanie v sredneverkhnenemetskom iazyke* [The units of speaking etiquette and their function in the Middle High German. Thesis of PhD]. SPbSU. St. Petersburg, 2007. 21 p. (In Russian)

4. Peshkovskii, A. M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in academic presentation]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury, 2001. 510 p. (In Russian)

5. Shakhovskii, V. I. *Lingvisticheskaia teoriia emotsii* [Linguistic theory of emotions]. Moscow, Gnosis, 2008. 416 p. (In Russian)

6. Baeva, G. A. Die Interjektionen in der Geschichte der deutschen Sprache. *Entwicklungsetappen in der Geschichte der deutschen Sprache*. Hrsg. F. Simmler. Berlin, WEIDLER Buchverlag, 2000, S. 9–20.

7. Baeva, G. Sprachliche Mittel zum Ausdruck der Autorenpräsenz im mittelalterlichen Tristan-Roman. *Etudes Medievales 15, Amiens*, 2013, S. 14–21.

8. Bax, M. Die lebendige Dimension toter Sprachen. Zur pragmatischen Analyse von Sprachgebrauch in historischen Kontexten. *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. Berlin, New York, de Gruyter Publ., 1983, S. 1–21.

9. Besch, W. *Duzen, Siezen, Titulieren: zur Anrede im Deutschen heute und gestern*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht Publ., 1998. 160 S.

10. Besch, W. Anredeformen des Deutschen im geschichtlichen Wandel / *Sprachgeschichte: ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*. Hrsg. von W. Besch, A. Betten, O. Reichmann, St. Sonderegger. Berlin, New York, de Gruyter Publ., 2013, S. 2599–2629.

11. Ehrismann, G. *Geschichte der deutschen Literatur bis zum Ausgang des Mittelalters*. Bd. II. München, Beck Publ., 1922. 356 S.

12. Ernst, P. Werner, M. *Linguistische Pragmatik in historischen Bezügen*. Berlin, New York: de Gruyter, 2016. S. 9–19.

13. Jacobs, A. The historical perspective in pragmatics. Eds A. Jacobs, A. H. Jucker. *Historical Pragmatics. Pragmatic Developments in the History of English*. Amsterdam, Benjamins, 1996, pp. 1–33.

14. Kilian, J. *Historische Dialogforschung. Eine Einführung*. Tübingen, Niemeyer, 2005. 180 S.

15. *Lexen Matthias Mittelhochdeutsches Taschenwörterbuch*. Stuttgart, Hirzel Verlag, 1992. 504 S.

16. Schwarz-Friesel, M. *Sprache und Emotion*. Tübingen und Basel, A. Francke Verlag, 2007. 401 S.

17. Singer, S. *Wolframs Stil und der Stoff des Parzivals*. Wien, 1916. 190 S.

18. Sitta, H. Vorwort. *Ansätze zu einer pragmatischen Sprachgeschichte*. Tübingen, Niemeyer, 1980, S. 7–8.

19. Sonderegger, S. Gesprochene Sprache im Nibelungenlied. *Monfort*, Bd. 32, 1980, S. 360–379.
20. Sonderegger, S. Aufgaben einer pragmatikorientierten Sprachgeschichte. Thesen. *Ansätze zu einer pragmatischen Sprachgeschichte*. Tübingen, Niemeyer, 1980, S. 132–134.
21. Sonderegger, S. Reflexe der gesprochenen Sprache im Althochdeutschen. *Sprachgeschichte. Ein Handbuch. Teil 2*, 2000, S. 1231–1240.
22. Sonderegger, S. „Gesprochen oder nur geschrieben?“ Mündlichkeit in mittelalterlichen Texten als direkter Zugang zum Menschen. *Germanica selecta*, 2002, S. 491–503.
23. *Redeszenen in der mittelalterlichen Großepik. Komparatistische Perspektiven* / Hrsg. M. Unzeitig, N. Miedema, Fr. Hundnurscher. Berlin: de Gruyter, 2011. 317 S.
23. Weithase, I. *Zur Geschichte der gesprochenen deutschen Sprache*. 2 Bd. Tübingen, Niemeyer, 1961.
-

Баева Галина Андреевна

профессор кафедры немецкой филологии СПбГУ, доктор филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Baeva Galina Andreevna

Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Doctor of Philological Sciences
Address: 7–9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: baevaga@mail.ru